

Философское эссе

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-186-199>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ПАРВИН ЭТЕСАМИ

Татьяна Александровна Кошемчук¹, Марина Львовна Рейснер², Марзие Яхьяпур³

¹ СПбГАУ, Санкт-Петербург, Россия

koshemchukt@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

² ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

mlreysner@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0592-6334>

³ Тегеранский университет, Тегеран, Иран

myahya@ut.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>

Аннотация. Антропологическое учение Парвин Этесами (1907–1941) рассматривается в эссе как один из аспектов её мистической поэзии. Созданные в эпоху слома классической традиции персидской литературы, стихи Парвин утверждают верность мистической традиции и заложенным в ней путям самосозидания личности. На материале творчества Парвин прослежена

роль мусульманской «науки поведения» в качестве основы пути человека, стремящегося к мудрости. Проповедь нравственности, осуществляемая в стихах поэта, её мистическое просветительство прослежены как попытка вернуть современников в классический мир непрерывной традиции духовного познания. Исследование концепции человека, предпринятое в статье, опирается на единственный изданный на русском языке сборник из 60 стихотворений («Путешествие слезы», 1984), также на новые стихотворные переводы. Эссе не просто знакомит читателя с малоизвестным персидским поэтом в контексте событий биографии, личности и судьбы, отразившихся в разных гранях поэтических саморефлексий (наиболее значительной из которых является «Автоэпитафия»). Выявляются предлагаемые Парвин ценности, соответствующие её духовной личности: чистота души, строгость, сдержанность, интеллектуализм, нравственная серьёзность. Описаны также и критикуемые ею отклонения от истинного пути — в созвучии с суфийскими учениями о человеке — «погубители»: подверженность страстям и гордыня. Причины этих нравственных сбоев Парвин видит в небрежении человека по отношению к своей душе и в воздействиях злых сил бытия. Предлагаемый поэтом путь описан как выход из ситуации пленения души миром через познание Истины и приобщение к опыту праведников. В статье впервые представлены переводы на русский язык двух стихотворений Парвин Этесами, выполненные М. Яхьяпур и М.Л. Рейснер.

© Кошемчук Т.А., Рейснер М.Л., Яхьяпур М., 2021

Ключевые слова: Парвин Этесами, персидская классика, индивидуализм и традиция, мистика, суфизм, дидактическая поэзия, антропология, наука поведения

Для цитирования: Кошемчук Т.А., Рейснер М.Л., Яхьяпур М. Антропологическая концепция в мистической поэзии Парвин Этесами // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 4. — С. 186–199. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-186-199>

Philosophical essay

ANTHROPOLOGICAL CONCEPT IN MYSTICAL POETRY OF PARVIN ETESAMI

Tatjana A. Koshemchuk¹, Marina L. Reysner², Marzieh Yahyapour³

¹ Saint-Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg, Russia

² Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

³ University of Tehran, Tehran, Iran.

Abstract. The essay reflects on the creativity of Parvin Etesami (1907 – 1941), a distinguished Persian poet, little known abroad. We highlight anthropological teaching based on the religious worldview as one of the aspects of her mystical poetry. Created in the era when Persian literature and its classical tradition were breaking, Parvin's poems affirm loyalty to the mystical tradition and the ways of self-creation of an individual laid down in it. The article shows that the Muslim *science of behavior* guides a person striving for wisdom and determines their path. The preaching of morality in Parvin's poems, coupled with her mystical enlightenment, attempts to return her contemporaries to the classical world of their tradition. This research investigates the concept of man and is based on the only collection of 60 poems published in Russian (*Journey of Tears*, 1984), as well as on the new poetic translations. Two of the poems translated by M. Yahyapour and M. L. Reysner are introduced to the readers for the first time. The paper describes different facets of personality and fate, found in poetic self-reflection, the most significant of which is Parvin's *Auto-Epithaph*. The values corresponding to Parvin's spiritual personality are revealed: purity of soul, strictness, restraint, intellectualism, moral seriousness. Following the Sufi teachings about men, Parvin criticizes deviations from the true path — such as susceptibility to passions and pride. The poet considers them the *destroyers* and believes that they occur because of the evil forces distorting the human soul. The poet proposes a way out for the soul captured by the world — the knowledge of the Truth and the appeal to the experience of the righteous. The essay demonstrates that in Parvin's poetry, fidelity to a thousand-year-old spiritual tradition and individual creativity appear as an organic unity. In the era that leads a person of the West and the East away from the spiritual roots of culture, the poet becomes a gnostic and a mystic in his individual creative life and, abandoning modern trends, consciously takes the path of mystical enlightenment and brings to her readers the wisdom found on these paths.

Keywords: Parvin Etesami, Persian classics, individualism and tradition, mysticism, Sufism, didactic poetry, anthropology, the science of behavior

For citation: Koshemchuk, T. A., Reysner, M. L., Yahyapour, M. (2021) 'Anthropological Concept in Mystical Poetry of Parvin Etesami', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(4), pp. 186–199. (In Russian). doi: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-186-199>

Парвин Этесами (1907–1941) — очень значимое имя в персидской литературе XX в., в Иране её называют великим поэтом; у нас же она почти не известна, на русском языке об этом большом поэте написано немного. В 1984 г. вышла книжка переводов из наследия Парвин Этесами «Путешествие слезы» [Этесами, 1984], сделанная в духе ещё советской эпохи: для переводов были отобраны и подчёркнуты в предисловии (как и в нескольких позднейших публикациях на русском языке) стихи, связанные с социальной проблематикой или отражающие моральную позицию поэта. Эти темы действительно существенны для Парвин, но стоит учитывать, что дидактическое начало её поэзии коренится в её религиозном мировоззрении, а нравственная проповедь разворачивается в русле учения о пути духовного самосозидания человека — науки о духе мусульманской традиции.

Всего Парвин Этесами было написано 210 произведений — они вошли в её посмертную книгу 1941 г. [Этесами, 1320[1941]]¹. В единственном прижизненном издании её «Дивана» [Этесами, 1314[1935]]², традиционного собрания монорифмических стихов, было 152 стихотворения. Из них в названный советский сборник вошло 60 выбранных переводов, по содержанию несущих в себе поэтическую концепцию человека, дидактических по основной тональности. В фокусе внимания авторов этой статьи, опирающейся на названное выше издание, — поэтическая антропология Парвин. Однако для более точного понимания мысли поэта мы обращаемся здесь и к текстам в новом переводе.

Ситуация Парвин для европейского наблюдателя представляется уникальной — это поэт XX в., всецело вписавшая себя в тысячелетнюю духовную традицию и классическую поэзию Ирана. Русский читатель (а мы рассматриваем здесь творчество Парвин прежде всего в ракурсе русского восприятия), не зная имени автора, мог бы

отнести иные её творения к одному из столетий расцвета персидской классической поэзии. Быть продолжателем своей традиции и, вопреки духу времени, посвятить жизнь служению ей, именно так говорят о Парвин Этесами пишущие о ней её соотечественники. И тем не менее для литературы Ирана этот путь не такая уж редкость — многие выдающиеся поэты рубежа XIX и XX вв., и в первую очередь Малек ош-Шоара Бахар (1886–1951), отстаивали классическую норму стихосложения и опору на традицию как единственно возможную для Ирана с его многовековой поэтической культурой. Модернистские эксперименты они считали попросту литературным хулиганством, о чём свидетельствует жаркая дискуссия начала 1920-х гг., охватившая литературные журналы после опубликования поэмы Нима Юшиджа (1897–1960) «Афсане» (1922). Модернизация литературного языка, пробивавшая себе дорогу в прозаических жанрах Нового времени, в поэзии шла гораздо медленнее и на первом этапе касалась в основном содержательной стороны стиха. По сию пору в Иране остаются поэты, которые отдают предпочтение именно классическому стиху, хотя основной поток поэзии всё же составляет та, в которой создатели осознанно применяют модернизированные типы поэзии (от так называемого свободного аруза³ до стихотворений в прозе).

Нельзя не отметить, что духовные поиски Парвин основывались на широких культурных интересах и на поэтической эрудиции высокого уровня. Она изучила историю родной литературы — персидской, а также арабской и турецкой, приобщившись к культуре западной в путешествиях по Европе. Можно говорить и о её личном погружении в европейскую поэзию — благодаря совместным, вместе с отцом, переводам европейских поэтов; коснулась она и западной философии (в переведённых на русский язык стихах Парвин есть упоминания Платона, Сокра-

¹ [1320 اعتصامی].

² [1314 اعتصامی].

³ Аруз (ар. аруд) — арабская система квантитативного стихосложения, заимствованная и усвоенная иранцами.

та, Аристотеля, стоиков⁴). Тем не менее в своём творчестве она опирается прежде всего на отличное знание персидской культуры⁵, из которой выбрала *дидактическую линию*⁶, усвоив просветительскую позицию по отношению к человеку. Так, Парвин возродила древний жанр *моназере* — полемического диалога, близкого басенному жанру, а также отдала дань касыде⁷ и газели⁸, наполнив их нравоучительным содержанием. Из европейской традиции она сохранила как актуальное для себя лишь отдельные созвучные явления (Эзоп, Лафонтен). Нам трудно представить себе первоклассного русского поэта XX в., который отказался бы от всех достижений и искусств своего столетия, от своего доминантного индивидуального «Я»⁹, и вернулся бы к стилю классики, не допуская при этом в стихи ничего субъективного, да ещё к тому же выбрав басню как форму проповеди. Вряд ли подобное архаичное явление могло бы претендовать на высокое поэтическое совершенство. Однако стихи Парвин Этесами её современники характеризовали прежде всего как совершенные и сладкозвучные. Стихотворная проповедь Парвин, этого сокровенного мистика, благодаря глубинному религиозному потоку её жизни стала ёмкой и действенной, уходя корнями в таинственную глубину её личности.

Для понимания ситуации, в которой формировалась Парвин как личность и поэт, нужно сказать несколько слов о канве её жизни, подчеркнув, что материалов о ней на русском языке сравнительно немного. Основными вехами биографии Парвин могли бы стать три её стихотворения. Первое отмечает исток: судьба позаботилась об уникальном ребёнке и одарила его всеми возможными благами, прежде всего счастливым детством и блестящим образованием. Её отец Мирза Юсеф-хан Этесами (литературный псевдоним — Этесам-оль-Мольк) был известным писателем, журналистом, переводчиком, издателем журнала «Бахар» («Весна»), читал и переводил поэтов арабских, турецких, а также французских. Он больше всех в семье любил свою единственную дочь Парвин (было ещё три сына) и посвятил много времени её образованию, сыграв роль и учителя, и, вероятно, духовного наставника, приучил к работе со словом, но главное — передал свою любовь к персидской классике и пробудил в дочери жажду познания. Он отправил её учиться в американскую школу, тем самым приобщив и к английской культуре. Средоточие жизни Парвин было сформировано её уникальным поэтическим даром: она с детства, с 8 лет, писала стихи, перекладывала в стихотворную форму переведённое отцом, обладала тонким чувством стиля и

⁴ Следует заметить, что эти имена были хорошо известны в классической мусульманской философии эпохи средневековья, так целый ряд программных текстов греческого философского наследия был переведён на арабский язык. См. Ибрахим Т., Смирнов А. Ал-фалсафа / Ислам // Энциклопедический словарь. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. — С. 250-251.

⁵ Говоря о литературных влияниях, персидские авторы отмечают сочетание хорасанского и иракского стиля, которые воздействовали на неё, из имён называют прежде всего Насир-и Хосрова, Руми, Саади. Об этом в частности говорится в изданной на персидском языке книге: Борхани С.М. Дискурс мысли П. Этесами (Звезда литературного мира и жемчужина в море искусства). — Тегеран: Афаринеш, 2014. — 448 с. [Борхани, 1393[2014]. 17–18, 228]. О важности Корана для Парвин и верности монотеистическому принципу в её поэзии пишут и другие авторы [Борхани, 1393[2014]].

⁶ Хесарбани З. Парвин Этесами и традиция полемиической поэзии (мунозира) в персидской литературе. диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.03. — Душанбе, 2012. — 144 с.

⁷ Касыда — одна из традиционных форм средневековой арабской поэзии, перенесённая на иранскую почву и получившая самостоятельное развитие на персидском языке. Первоначально имела по преимуществу панегирическую направленность и широко применялась в дворцовом этикете, после XI в. в рамках литературной деятельности религиозно-мистических течений в исламе (суфизма, исмаилизма) стала формой поэтической проповеди, назидания и размышления, обрела и аллегорическую составляющую.

⁸ Газель — малая форма персидской классической поэзии, первоначально только любовная по тематике; в ходе развития, в том числе и в рамках религиозно-мистической поэзии, значительно расширила тематический диапазон и выработала сложный аллегорический язык.

⁹ О глубоком различии творческого мира двух поэтов-современниц, Анны Ахматовой и Парвин Этесами [Яхьяпур, Кошемчук, 2019].

великолепной памятью. Отец с ранних лет привлек Парвин к участию в домашних собраниях именитых литераторов¹⁰, с 14 лет она видела свои стихи опубликованными отцом в его журнале. Так — по праву рождения и высокой одарённости — она была причастна к интеллектуальным высотам своей эпохи. Это было блестящее начало пути для девочки, получившей в своей семье не только широкую свободную культурность, но и строгое мусульманское воспитание, сформировавшее весь аскетически выдержанный строй её бытия.

Вот история первого детского стихотворения Парвин, которое можно обозначить как исток. Однажды, как рассказывают, гости отца усомнились, сама ли Парвин написала те детские стихи, что она им читала. Парвин экспромтом сочинила строки, которые поразили всех серьёзностью смысла и глубиной понимания своего пути:

Моя душа не терпит пустоты.
Пусть знает див: я вижу с высоты
Всё то, что предо мною совершили.
Не терпит зеркало налёта пыли.
Учёные мужи, не хмурьте лбы!
Я открываю вам свою загадку:
Меня зовут Парвин. Мою тетрадку
Я называю дневником судьбы.

В этом стихотворном переводе из единственного сборника на русском языке мы можем выделить значимые линии будущих стихов Парвин: жажду душевной наполненности, острое внимание к несовершенству земного мира, умение видеть действия злых сил в человеческих судьбах и противостоять им, осознание своей уникальности — и одновременно созерцания всей традиции персидской культуры как своей, с собственной точки зрения. Мы отмечаем здесь лишь основные образы, используемые поэтом, но не тонкие их оттенки, не располагая точным переводом (и в насто-

ящее время не имея возможности сверить все цитируемые тексты поэта). Так, образ чистого зеркала характеризует понимание поэтом миссии души в мире. И здесь, и в иных стихах это постоянная и неизбежная особенность Парвин — использование разного арсенала, выработанного в тысячелетнем развитии персидской поэзии. Зеркало — один из древнейших символов персидской духовной традиции. Этот образ варьируется мистиками и поэтами многогранно, и, если рассмотреть его в персидском контексте, можно провести десятки параллелей. Для примера возьмём лишь одну цитату: «Бог есть зеркало, в котором ты видишь себя таким, каков ты есть» (цит. по: [Буркхардт, 2009: 104]). Допуская, что в целом образы стихотворения Парвин сохранены переводчиком, мы опираемся на тот или иной нюанс перевода ещё и в том случае, если мотив или образ возникает в разных произведениях. Так, у Парвин один из повторяющихся мотивов — настоятельное требование чистоты души, и в образ зеркала она вложила свой яркий штрих: нетерпимость зеркала к загрязнению поверхности, к оседающей пыли — то есть к замутняющим дух бытовым и обыденным коллизиям жизни¹¹. Далее она добавит иной оттенок: душа, подобно зеркалу, не только стремится чисто отражать Бога, но и хранит в себе все отражения: «Когда же солгала душа хоть малость, / На зеркале её вранье осталось» — ложь искажает способность отражения. Правдивость и чистота — характерные черты характера самой Парвин, как пишут о ней её соотечественники, и в стихах она призывает к соблюдению этих моральных норм прежде всего ради духовной продуктивности. Наконец, в приведённом стихотворении определена главная тема творчества Парвин — судьба. *Дневник судьбы* — ни что иное, как собра-

¹⁰ Это такие авторы, как Деххода (1879–1956), автор словаря персидского языка, лингвист, политик, свободно говорил по-турецки и по-французски; Бахар (1886–1951), поэт, ориентированный на классическую традицию, журналист, историк, политик, который владел арабским, французским и английским; Нафиси (1895–1966), историк, поэт, переводчик, знавший арабский, французский, русский языки, — сообщает Яхья Арьяпур в работе «От Нимы до нашего времени» (Тегеран: Заввар, 2003. — 698 с.) [Арьяпур, 1382[2003]].

¹¹ Один из устойчивых мотивов персидской мистической поэзии — полировка зеркала души. Зеркала изготавливались из металла, и их со временем могла покрывать не только пыль, но и ржавчина. Самосовершенствование мистика и есть полировка его духовного зеркала, отражающего Бога.

ние стихотворений, её *тетрадь*, ещё один традиционный символ зафиксированного в стихах жизненного пути.

Судьба же Парвин далее, после счастливого детства, счастливой не была. Отметим сразу, что её глубокая чувствительность к чужим бедам и горестям, к нищете и несправедливости (сострадание к бедным действительно ярко звучит в её стихах) совсем не связана с личными обстоятельствами: благодаря своей семье она никогда не знала бедности и связанных с ней страданий. Здесь, в контексте этой статьи, мы не касаемся сложностей выпавшего на долю Парвин исторического часа, общественных проблем Ирана, поставив в центр внимания религиозные основы её концепции человека.

И, как в любой женской жизни, можно отметить следующую веху — замужество, которое состоялось, как объясняют биографы Парвин, по воле отца и ради издания первой книжки. А через четыре месяца — полный разрыв с мужем, возвращение в родительский дом с глубоко и скрытно пережитой неудачей личного счастья и обречённостью на молчание об этом — в стихах отражена не внешняя «пыль» женских переживаний, но определившаяся и принятая поэтом судьба. Тема любовная была закрыта для стихов Парвин навсегда. Экстатика любовного чувства, мистически наполненного, одна из важнейших суфийских тем персидской лирики, в её стихи не вошла.

Самый сокрушительный удар судьбы — смерть отца, поразившая «творческий центр» её бытия в 1937 г., невосполнимая утрата, от которой тридцатилетняя Парвин уже не оправилась. Далее она почти не выходила из одинокого и замкнутого строя своей жизни:

Я птицей поющей твоею была.

Ты умер. С тобою и я умерла.

Кто, кроме тебя, обогреет меня?

Как странно — во мне не осталось огня.

Стихотворение, посвящённое смерти отца, отразило необратимость в переживании этого ключевого события: не только жизненное тепло утрачено. Ведь только отец, по условиям времени и места, мог представлять стихи Парвин миру. Оконча-

тельно восторжествовало чувство, всегда ей присущее, — одиночество. Это особенная черта её духовной личности, углублённость в свою душу, бытие с миром, — но в отъединённости от людей. Не романтическое одиночество, и совсем не горестное, но воспринятое как благо. Об этой своей черте Парвин писала в воспоминаниях, и мы приводим фрагменты из них по английскому изданию её стихотворений (предисловие в сборнике, включающее цитаты из воспоминаний Парвин, занимает немногим более 10 страниц). Парвин пишет, что, учась в американской школе, она причисляла себя к счастливым девочкам, к тем, кому повезло, кто мог получить образование; друзья и учителя были добры и внимательны к ней, но она предпочитала одиночество: «Я люблю одиночество. Я ничего не могла с этим поделать» [Etesami, 2014: 10–11]. Одиночество было в её природе, как если бы её сущность «была сплетена с одиночеством тонкой невидимой нитью» [Etesami, 2014: 11]. Черта характера девушки была замечена учителями и истолкована как стремление к изоляции себя от других, которое нужно преодолеть. Парвин же видела в нём благо: всё вокруг неё было живым, имело язык, говорило с ней — растения, небо, горы. Можно ли быть одиноким, если ты связан с миром? Если твой внутренний мир переполняет поэзия, а главное вдохновение черпается из ещё не написанных стихов? Других девочек подобное не интересовало, а её не занимало то, что было главным для них. Что не мешало Парвин быть верным другом и, остро реагируя на беды, быть к друзьям внимательной и нежной [Etesami, 2014: 10–11].

О связи жизни с друзьями Парвин говорит в стихотворении, которое могло бы стать последним в изданном ею единственном сборнике. Речь идёт о её автоэпитафии. Но прежде подчеркнём: основной тон её одиночества соответствует строгому представлению о женском достоинстве в мусульманском мире. Как нам кажется, это выражено в следующем фрагменте (из тех малых крупниц, доступных в русском переводе, которые дают выразительное представление о жизни Парвин). Захра Хасанпур, автор статьи о Парвин, приво-

дит мнение о ней персидского литератора А. Надими. А. Надими назвал её «сладко-голосым поэтом и тихим борцом»: в конце жизни она была знаменита как поэт, но редко показывалась на публике, ещё реже соглашалась на интервью. И далее: «При этом она всегда сохраняла свой “восточный” облик. Что касается большой набожности Парвин Этесами, то этот исследователь (А. Надими — авт.) пишет: “Впечатления человека, который брал интервью у Парвин, подтверждают мнение о том, что она имела религиозные убеждения и была привержена распространённым обычаям и традициям, а также что она получила восточное воспитание. Этот человек сообщает, что во время интервью Парвин сидела в самом темном углу комнаты, причём чадра полностью закрывала её лицо. Когда интервьюер при прощании протянул ей руку, казалось, что Парвин настолько этим шокирована, что сейчас потеряет сознание”»¹². Именно А. Надими высказал суждение об архаичности поэзии Парвин и её «изоляционизме»: по стилю и духу, полагает он, эта поэзия принадлежит скорее V–VI вв. хиджры (т.е. XI–XII вв. по христианскому летоисчислению).

Когда земной источник жизни Парвин угас, вскоре после смерти отца, в 1941 г, совершилось и последнее событие пути — это её собственная скоропостижная смерть от тифа в 34 года. «Тетрадка» была дописана, и незадолго до смерти в автоэпитафии подведён итог. Автоэпитафия переведена в сборнике «Путешествие слезы» следующим образом:

Бог надо мною погасил свечу.
Суровою была моя дорога.
И вот — звездою по небу лечу,
А на земле друзей осталось много.
Пусть добрым словом вспомнят обо мне.
Я для друзей жива, не онемела,
Я их сердца на дорогой земле
Поэзией своей согреть сумела.
И пусть сама не знала я любви,
Но нежность не умрёт в моей крови.
Воспримем это лирическое стихотворение как отражение образа Парвин в со-

знании переводчика. Отметим, что каждый его мотив вписан в персидскую классическую традицию и является плодом индивидуальной трансформации. Остановимся лишь на некоторых. Главным в «суровой дороге» Парвин оказалась обращённость к друзьям с согревающим словом, с нежностью к миру при несбывшемся личном счастье. Эта исповедальная нота, прозвучавшая в эпитафии, — «пусть сама не знала я любви» — озаменовала уже отмеченную нереализованную в жизни Парвин линию. В целом из двух мистических путей — познания и любви, разума и чувства — Парвин с очевидностью отдаёт предпочтение разуму, мысли, познанию. И если «познание Бога всегда рождает любовь, а любовь предполагает познание предмета любви...» [Буркхардт, 2009: 28], как соотносятся эти пути в их высшем проявлении, то и в поэзии Парвин внимательный взгляд увидит: два пути тонко взаимодействуют в ней. При основной духовной тональности — строгости, сдержанности, интеллектуализме, нравственной серьёзности, чистота души и правдивость — важнейшие ценности Парвин, и при её серьёзности они обретают черты особенной душевной красоты и прозрачности, в которых за сдержанностью тонко светит любовь и нежность к миру. В этих стихах вовсе нет акцентированности личного начала, своё «я» поэт отстраняет, ставит на задний план:

Пусть глубь моей души
Не потревожит вас.
Страсть сердца моего
Хочу я скрыть от глаз.
(Из цикла «Желания»)

Отметим, что в приведённой версии эпитафии личное, исповедальное начало звучит явно, и потому стихотворение для русского читателя оказывается эмоционально действенным. Созвучен русскому восприятию начальный образ души-свечи, погашенной Богом, несущий в себе драматическую ноту, которая порой прорывалась в стихах Парвин, проявляя скрытое трагическое чувство. Вероятно, оно всё же

¹² Хасанпур З. Парвин Этесами — поэтесса, писавшая для иранцев и иранок // Караван. — 2014. — май (№ 33). — С. 103.

жило в ней, несмотря на неустанную просветительскую по духу проповедь истинного пути души в мире.

В целом об автоэпитафии Парвин можно сказать: в интерпретации стихотворения переводчиком отразилась правда о Парвин, о её духовном мире и творчестве. Если бы не одно «но». Дело в том, что этот

текст имеет мало общего с первоисточником — с «Автоэпитафией», написанной самой Парвин специально для того, чтобы быть высеченной на её могильном камне. Это стихотворение вписано в длительную традицию поэтических завещаний, которыми богата персидская поэтическая классика:

Та, кому чёрная земля служит изголовьем,
 Это Парвин — звезда литературного небосклона.
 Хотя кроме горечи она от жизни ничего не видела,
 Сколько захочешь сладости [найдёшь] в её словах.
 Сегодня хозяйка этих слов
 Нуждается в «Фатихе» и «Ясин»¹³.
 Хорошо бы помянули её друзья,
 Сердце без друга — грустное сердце.
 Земля, что застит глаза, угнетает душу,
 Камень, что лежит на груди, слишком тяжёл.
 Взглянув на это ложе, назидание получает
 Каждый, чьи глаза прозревают Истину.
 Кто бы ты ни был, чего бы ни достиг,
 Это в твоём бытии — последний приют.
 Как бы ни был богат человек,
 Достигнув этой точки, он становится нищим.
 Там, где идёт в нападение судьба,
 Выход — покорность, а [правило] хорошего тона — послушание.
 Порождать, убивать и прятать —
 Это с давних времён порядок и обычай мира.
 Блажен тот, кто в этой обители скорбей
 Даёт утешение чьей-то душе¹⁴.

Автоэпитафия Парвин, столь непохожая на её советский перевод, — это прежде всего прошение к друзьям о заупокойных молитвах, которые могут утешить её в мире ином. Так звучит тема связи с друзьями, в отличие от стихотворного перевода, и ею же завершается этот поразительный текст: «даёт утешение...», — эти слова, вероятно, Парвин относит к себе, таково воздействие её слов на людей. Её стихи — утешение для друзей, оставшихся в этом скорбном мире. Любовь к людям не оставляла Парвин в жизни и творчестве, и она в согласии с мистическим мировоззрением утверждается как посмертная ценность: «Одна из основ мистицизма, который является

проявлением человеческой любви и привязанности к Богу, это любовь к людям» [Яхьяпур, Карими-Мотаххар, 2021: 537]. Но и в посмертии та, которая писала, обращаясь к людям с назиданиями. Теперь, давая свой последний урок пришедшим на её могилу, она говорит с ними голосом печали: не летит по небу звездой, как светло прозвучало у советского переводчика, но напоминает, что ранее была звездой поэзии, а теперь — и звучание стихов здесь полно трагизма — она в чёрной земле могилы, которая смертельна, и камень тяжёл. И тем самым звезда в чёрной земле даёт наставление своим друзьям: все послушно судьбе умрут, все станут бедны в последнем своём

¹³ Суры «Ал-Фатиха» (открывающая Коран) и «Ясин» (считающаяся сердцем Корана) читаются для умерших.

¹⁴ Стихотворение «Эпитафия» приводится в переводе М. Яхьяпур, редактирование его принадлежит М.Л. Рейснер. Перевод публикуется впервые.

доме. Но на земле, полной страданий, в горестной жизни надо утешить кого-то. Таков последний совет Парвин.

Обратимся теперь к некоторым чертам наставительных произведений Парвин, к её пониманию пути человеческой души. Да, поэзия Парвин в целом — воплощённая трезвость и разумность в стихотвор-

ной проповеди. В её касыдах, которые в персидской поэзии в течение тысячи лет несут в себе дидактическую тенденцию, в многочисленных повелительных наклонениях поэтических сентенций читателя призывают к свету и добру — мы приводим примеры из стихов, выбранных почти наугад:

Преодолей все омуты и мели,
Будь трезв и ясен на дороге цели (Касыда 2).

Ты зёрна света в душах насаждай,
Тогда получишь добрый урожай (Касыда 20).

От жизни не много бери и не мало,
А так, чтоб на скромное счастье хватало. (Касыда 30)

Усердно трудись и не требуй награды,
Лишь в искренних людях скрываются клады (Касыда 30).

Ищи! Всегда ищи! И стань себя превыше!
Пускай дракон судьбы огнём из пасти пышет (Касыда 9).

Храм мудрости построй. Войди в него, как бог.
Презренный прах земли не заноси в чертог (Касыда 9).

Не надо за жизнь, как за воздух, цепляться,
Ведь поздно иль рано нам с нею прощаться (Касыда 33).

От дивов утай печаль свою и боль,
Не то они, смеясь, швырнут на раны соль (Касыда 39).

Любите утро! Скоро ночь настанет.
Весну любите! Осень скоро грянет (Касыда 28).

Эти наставления Парвин звучат как афоризмы, и уже при первом приближении к ним можно заметить, что поучения различны по глубине мысли. То они просты и имеют бытовой характер — зовут к труду или умеренности, то относятся к пути самосозидания, проходимому душой, к этой важнейшей теме персидской духовности. Порой они изысканно-гностичны, воплощая некие тонкие наблюдения в сфере духовных познаний: не выказывай боль души злым духам. Сами касыды у Парвин, как это и свойственно традиции, — это потоки завершённых в себе афористически

выраженных мыслей, и каждое наставление самоценно.

В них Парвин часто обращается к некому «ты», к своему читателю, чтобы содействовать его пользе, приобщив к выработанному в традиции пути самосовершенствования. Здесь явно присутствует мысль о пользе поэзии для духовного устройства души. Нередко Парвин использует и собирательное «мы», относящееся и к ней самой, и к читателю — в общем следовании внутренним путём, сначала личными тропинками поиска, а потом и общей дорогой традиции:

Тропа любая выведет к дороге,
И тропы нам никак не обойти,
И мы спешим по ним, сбивая ноги,
Теряя годы в поисках пути.

Но и это стихотворение, и иные, переходя к некому «ты», отделённому от авторского «я», несут в себе и чётко очерченный образ антигероя — человека, который нарушает все заповеди. К нему обращены многие негодующие обличения Парвин, а подчас и рекомендательные наставления — о том, как выйти из ситуации порока или страсти. Так, в этом стихотворении («Тропа любая выведет к дороге...») антигерой показан как дерзкий человек, затевающий «злое состязанье / С душой своею...». И Парвин убеждает его быть бережнее с душой, которая «умнее», — «довериться душе», не доверяясь судьбе, ибо судьба «коварна и неумолима»: и на путях греха подстерегает, и может разом сжечь дотла. Антигерой может быть и прямым носителем всех пороков (разных в разных касыдах и

газелях): «Душа твоя как фартук неопрятна. / Тебе не смыть с неё пороков пятна!» («Из газели»). Чаще всего это человек страстей («во власти страсти»), не разбирающийся в себе и своих пристрастиях, легко идущий по жизни, без различения света и тьмы, без вдумчивого размышления. «О свет и тьма! Почти всегда вы рядом...» — в поток наставлений вторгаются авторские фрагментарные размышления в афористической форме. Обличаемый небрежен к своей душе: «Кто бросил в клетку солнечную птицу? / Как долго будет клад в земле таиться?» — образы души-птицы и души как спрятанного клада (из образного арсенала, восходящего к Пророку) иллюстрируют мысли Парвин о душе, пребывающей в небрежении у человека, но изначально причастной истинному свету, и, по Парвин, не по беспечности только душа пленена и замкнута в жесткие границы клетки, но по воле злых сил, неумение опознать которые влечёт к непоправимым ошибкам:

...Стекляшку принял за алмаз бесценный?..
...Лекарство пьёшь? А может, чашу с ядом?..

Борьба со страстями, затемняющими разум человека и гибельными для

души — одна из самых частых тем в поучениях Парвин:

В тебе заговорила страсть однажды,
И разум твой стал погибать от жажды.
А отдаваясь в руки жадной страсти,
Ты накликаешь горе и напасти.
Родник твоей души внезапно высох... (Касыда 28)

Герой, «цветы соблазнов рвущий», обречён, он оказывается в «плёну порока», над ним смеется судьба-злодейка. Поток

обличений включает изумительный образ, глубокую интуицию: из-за страсти родник души высох, образовалось облачко пара:

И заструился пар в небесных высях.
В нём искупался демон огневой,
И чёрный дым восстал над головой (Касыда 28).

Так в этом фрагменте, где сказалось мистическое постижение природы зла, страсть оказывается связана с демоном, природа которого — огонь. Напомним: согласно мусульманской традиции, дьявол был создан из огня. Он инициатор страстей, и «...страсть живёт по огненным законам» (Касыда 7). Купаясь в облачке влаги, которая когда-то была природой души, дьявол сжигает

её, так что душа превращается в *чёрный дым*.

Своего адресата Парвин призывает исходить из высокого представления о человеке и его роли в бытии: «Ты — человек! Стремись постичь глубины знаний!»; «Скорей сверни с пути, где человека нет, / Где дьявольских копыт в пыли остался след» (Касыда 9). Первейшее дело для порочного человека — не только осознать свою

глупость и своё невежество, но понять, что глупость страшна своей демонической огненной природой: «Огонь невежества дотла сжигает душу. / Глупец — как дьявол. Ты глупца не слушай» (Касыда 7).

Интересно, что Парвин нередко отмечает общие черты ситуации человека в мире, обращаясь и к собеседнику, и к себе, объединённым в едином «мы». Так, ко всем относится власть судьбы: «Судьба нас водит, как слепых, по кругу...». Ряд постоянно варьируемых образов подчёркивает коварство судьбы: непрочность жизни — хрупкость тростника; скоротечность времени — увядание цветка и краткость весны.

В конце стихотворения поэт, в духе долгой и неизменной традиции, обращается к себе самой с неким личным нравственным уроком. Это почти всегда взлёт мысли к новому смыслу, не вытекающему напрямую из предыдущего, новое обогащение. Так, в стихотворении о бережном обращении с душой конечные строки таковы:

Парвин, в своей душе ищи алмаз,

Как чудо, сохранённое от глаз.

В подобных концовках поэт высказывает сокровенную правду о человеке — как сущность поэтической антропологии в русле суфийской мистической традиции:

Душа — источник всех твоих побед.

А сердце — солнце, разум твой и свет.

Сердце — таинственное средоточие души, через которое познаётся мир, а разум — главное свойство души («Душа всегда лишь разумом красна»). Сердце и душа еди-

ны в человеке: «Ты сердцу душу дай, а сердце дай душе...». Об этом же Парвин говорит в поэтическом цикле «Желания»: «Хочу души владения приоткрыть, / Её свечою сердце осветить». «Золото души» должно быть высокой пробы, сущность человека — чистый свет. Сама душа предстаёт в стихах Парвин в образе горящей свечи или в триедином образе: лампа (внешнее, тело), огонь и свет (внутреннее, душа и дух): «Ты — лампа, ты — огонь, ты — яркий свет...». Дело человека на земле — трудиться над своей душой: если жизнь подобна птице, то полёт, крылья — это забота человека: «В твоих руках полёт твоей души» (Касыда 9). Дух представляется ей как взращиваемый с любовью саженец. Душа сама по себе не ценна, если она не претворена духом на пути разума и познания: если душа пребывает «впотьмах», вне света знания, то «...душа и тело — только прах» (Касыда 9). Постижение науки становления человеческого духа, выработанной мистической традицией, ведёт к преодолению власти злых сил: «Ты кормишь дива, жалкий человек?! / Но он ведь не насытится вовек» (Касыда 9). В переводах стихов Парвин не раз звучит ключевая идея: истинный путь лежит через работу человеческого духа по преодолению власти плоти и по очищению души, ибо человек — важнейшая ценность нашего мира. Подтвердим эту мысль большим фрагментом из впервые переведённого стихотворения Парвин «Свободный дух»:

Ты как золото, о сияющая душа,
Сколько ещё тебе томиться в темнице праха.
Ты — жемчужина в волнах моря Предвечности,
Ты — купец, что торгует перлами добытого знания.
Оставь это ничтожное бренное тело,
Преодолей этот путь, падая и поднимаясь.
Разве есть родство у золота рудника с глиняными черепками?
Что общего у отважного льва с шакалом?
Разумно заключай мир и давай советы,
Наступи на голову скорпиону тела.
Никто не обладает твоею чистотой,
В ухе Бытия второй такой серьги нет.
Ты была сверкающей жемчужиной,
Зачем же свой лик запятнала темнотой?
Ты — светильник в тёмном царстве тела,
Среди темноты ты подобна солнцу.

Ты скрыта от взора, ты сделана не из сердца.
 Повела бы, откуда ты и кто ты.
 Не томись в плену тела, отправляйся в полёт,
 Освободись от этих сгнивших пут на ногах,
 Чтобы узреть то, что видел Единый (букв.: Неделимый).
 Чтобы познать уединение праведников Божьих...¹⁵

В этом гимне человеческой душе, проникнутом высочайшим восхищением перед сотворённой светлой сущностью, подобной солнцу посланной в тёмный мир, в потоке его образов, соединяющем излюбленные мотивы и образы Парвин, поэт стоит перед своей душой, «жемчужиной в море Предвечного», как перед величайшей загадкой человека: «откуда ты и кто ты». Единственность души в Бытии, инородность её брэнному миру выявлена здесь в предельных и разнородных антиномиях: золото и прах, золото и глиняные черепки, лев и шакал, полёт и плен, сверкающая жемчужина, светильник, солнце — и темнота. Предназначение души — приобщение к опыту праведников, созерцание божественного — приобщение к тому, что видит Единый. Но душа не просто обитает в темноте мира, она запятнана темнотой, пленена ею. Путь к своей сущности для души — в преодолении унижительной власти тела, в обращении к разумности.

Самое важное достижение человека в мире, по Парвин, — дух человека-праведника, достигнутый в уединении, дух мудреца, мистика и поэта, сотворённый им в себе в результате пройденного пути: «... дух дервиша превыше власти Джама», то есть выше всех земных царей, включая легендарного царя Джамшида, справедливого властителя, имевшего чашу, в которой отражался весь мир. На пути к мудрости, выработанном мистической традицией, в высшей степени значимы упражнения в созидании личной нравственности. Персидская наука духовных добродетелей сопрягает Истину и Добро, так что только несущая добродетели душа оказывается созвучной Истине, раскрывается навстречу Ей, и каждый шаг в добродетели становится шагом в познании. Обличения порока импульсируются не осознанием

неразумности последнего, как это ярко прозвучало в европейскую эпоху Просвещения, но общей для великих традиций религиозной истины: порок есть фактическое отрицание Истины, он закрывает возможность Познания как приобщения к Истине. Так что школа добродетели внутри мистической традиции есть не что иное, как «искусство сохранения души, открытой для притока Беспредельного» [Буркхардт, 2009: 35].

Парвин была не просто причастна этой школе, она неустанно приобщала к ней своих читателей — в простой и доступной форме дидактической поэзии. Обращаясь к широкому кругу только начинающих свой путь к Истине, Парвин говорит сообразно своему чувству меры и духовному вкусу, вкладывая в стихи ту степень религиозной глубины, которую могут постичь её читатели. Но при внимательном к ним отношении даже в несовершенных переводах они раскрывают свои неявные смыслы, мерцающие в глубине стихов сотнями нитей, связанных со всей персидской мистической поэзией. Исследователь, не полагаясь вполне на эти тексты, скорее схватывает в них только общий дух и смысл учения Парвин — в ожидании точного, отвечающего современным научным требованиям, перевода её дивана.

Погружаясь в мир Парвин Этесами и стремясь охарактеризовать духовные основания описанных антропологических представлений, мы оказываемся в средоточии ситуации времени: поэт поздней эпохи, так называемого пострелигиозного исторического этапа, надвинувшегося на мир и Запада и Востока, становится гностиком и мистиком в индивидуальной творческой жизни — и говорит о человеке в созвучии с мудростью, заложенной в многовековой религиозной традиции. Именно в этом мы

¹⁵ Стихотворение переведено М.Л. Рейснер. Перевод публикуется впервые.

видим особенную ценность и назидатель- ского поэта XX столетия.
ность наследия Парвин, большого персид-

Список литературы:

- Буркхардт Т. Введение в доктрину суфизма. — Таганрог: Ирби, 2009. — 144 с.
- Этесами П. Путешествие слезы: Избр. стихотворения. Пер. с перс. — Москва: Наука, 1984. — 109 с.
- Яхьяпур М., Карими-Мотажхар Дж. Иван Бунин и восточная мистика // *Quaestio Rossica*. — 2021. — Т. 9, № 2. — С. 533-546. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.2.594>
- Яхьяпур М., Кошемчук Т.А. Диалоги в лирике иранской и русской поэтесс: Парвин Этесами и Анны Ахматовой // *Филология и человек*. — 2019. — № 4. — С. 96–110. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)4-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)4-08)
- Etesami P. *Life & Poetry*. — [S.I.]: New Humanity Books, 2014. — 130 p.
- آرين پور يحيى. از نيمه تا روزگار ما. — تهران: زوار، 1382. — 698 صفحه.
[Арьянпур Я. От Нимы до нашего времени. 1382[2003]. — 698 с. (на персид.)].
- اعتصامى پروين. ديوان قصايد و مثنويات و مقطعات پروين اعتصامى. با مقدمه محمدتقى بهار. — تهران: مطبعه مجلس، چاپ اول، 1314. — 320 صفحه.
[Этесами П. Диван касыд, маснави и могоаттаат. С предисловием Бехара к первому изданию. — Тегеран: Матбех Маджлиса. 1314[1935]. — 320 с. (на персид.)].
- اعتصامى پروين. ديوان قصايد و مثنويات و مقطعات خانم پروين اعتصامى. با مقدمه ابوالفتح اعتصامى. — تهران: فردين، چاپ دوم، 1320. — 342 صفحه.
[Этесами П. Диван касыд, маснави и могоаттаат. С предисловием А. Этесами ко второму изданию. — Тегеран: Фардин. 1320[1941]. — 342 с. (на персид.)].
- برهانى سيد محمد. سيرى در اندیشه پروين اعتصامى (اختر چرخ ادب و گوهر بحر هنر). — تهران: آفرينش، 1393. — 448 صفحه.
[Борхани С.М. Дискурс мысли П. Этесами (Звезда литературного мира и жемчужина в море искусства). — Тегеран: Афаринеш. 1393[2014]. — 448 с. (на персид.)].

References:

- Aryanpur, Y. (1382[2003]) *Az Nyma ta roozgare ma [From Nyma to our time]*. Tehran: Zavvar. (in Farsi).
- Borhany, S. M. (1393[2014]) *Seyry dar andysheh Parvyn Etesamy (Akhtare charkhe adab va gohar bakhre honar) [Discourse of thought of P. Etesami (The star of the literary world and a pearl in the sea of art)]*. Tehran: Afarynesh. (in Farsi).
- Burckhardt, T. (1959) *An introduction to Sufi doctrine*. Lahore: Sh. M. Ashraf. . (Russ.ed.: (2009) *Vvedenie v doktrinu sufizma*. Taganrog: Irbi Publ.).
- Etesami P. (2014) *Life & Poetry*. [S.I.]: New Humanity Books.
- Etesami, P. (1984) *Puteshestvie slezy. Izbr. stikhotvoreniia. Per. s persidskogo [Journey of Tears: Selected Poems. Translation from Persian]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Etesamy, P. (1314[1935]) *Dyvan qasayed va masnavyyat va mogattaat Parvyn Etesamy ba moqaddameh Mohammad Taqy Bahar [Divan of kasyd, masnavi and magtaat. With Behar's preface to the first edition]*. Tehran: Matbaeh Majles, chap avval. (in Farsi).
- Etesamy, P. (1320[1941]) *Dyvan qasayed va masnavyyat va mogattaat Parvyn Etesamy ba moqaddameh Abolfath Etesamy [Divan of kasyd, masnavi and magtaat. With a preface by A. Etesami to the second edition]*. Tehran: Fardyn, chap dovom. (in Farsi).
- Yahyapour, M. and Karimi-Motahhar, J. (2021) 'Ivan Bunin and Eastern Mysticism', *Quaestio Rossica*, 9(2). (In Russian). <https://doi.org/10.15826/qr.2021.2.594>
- Yahyapour, M. and Koshemchuk, T. A. (2019) 'Dialogues in the Lyrics of Iranian and Russian Poetesses: Parvin E'tesami and Anna Akhmatova', *Philology & Human*, (4), pp. 96–111. (In Russian). [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)4-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)4-08)

Информация об авторах

Кошемчук Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет. Адрес: 198005, Санкт-Петербург, 5 Петербургское шоссе, дом 2. (Россия)

Рейснер Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор кафедры иранской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, дом 11, строение 1. (Россия)

Яхьяпур Марзие — кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы факультета иностранных языков и литературы Тегеранского университета. Адрес: Иран, Тегеран, 1439813164, ул. Каргар Шомали, дом 16, Факультет иностранных языков и литературы, 2 э. ком. 235. (Иран)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Tatjana A. Koshemchuk — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Speech Culture, Saint-Petersburg State Agrarian University. 5, b. 2., Peterburgskoe shosse Saint Petersburg, Russia, 198005 (Russia)

Marina L. Reysner — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Iranian languages, Institute of Asian and African studies Lomonosov Moscow State University. 11. Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009 (Russia)

Marzieh Yahyapour — Professor of Russian Language and Literature, Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran, Faculty of Foreign Languages and Literatures. 2 f. R. 235. University of Tehran, 16, North Kargar st., Tehran, Iran, 1439813164 (Iran)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 28.07.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

The article was submitted 28.07.2021; approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 10.12.2021.